УДК 342

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ НАУКИ И ОТРАСЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА, ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Овсепян Жанна Иосифовна доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, д. 88)
E-mail: ovsepyan-g-i@ya.ru

Аннотация

В статье предпринято исследование понятия методологии как базовой научной категории, осуществлен обзор многообразных представлений о понятии права и методологической роли неюридических наук в развитии науки о праве в различные периоды истории российской науки правоведения, а также обратного процесса – роста методологического значения науки о праве для неюридических наук. Обосновывается особая роль науки конституционного права и практики конституционализма в процессах общетеоретического, философского, различного отраслевого правового (различных отраслей права) и различного отраслевого научного (неюридических наук) «методологического проникновения» в содержание науки о праве и практику правотворчества, толкования права, правоприменения. Рассматриваются иные формы правореализации.

Ключевые слова: *методологическое значение науки о праве для неюридических наук; ренессанс философии права в России; о конкуренции общей теории права и науки сравнительного конституционного права; специфика методологии правового регулирования нормами конституционного права; методологическая роль конституционного судебного прецедента; утверждение методологической природы конституционного права и практики конституционализма в период глобализации; суверенитет как ключевая идея конституционно-правовой методологии.*

Понятие методологии относится к числу базовых научных категорий, но в российской литературе нет единообразия в его понимании, особенно в науке правоведения. В конце XIX – начале XX вв. вопросы методологической природы науки о праве оказались в поле зрения исследователей в связи с процессами отмежевания этой науки от наук неюридического профиля. В известном труде Б.А. Кистяковского «Философия и социология права», опубликованном в начале XX столетия, прослеживается динамика этого процесса. Б.А. Кистяковский обращает внимание на многообразие дефиниций права. Он пишет: «Ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. При первом знакомстве с нею получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключающих друг друга» [1, с. 201, 233, 239].

В своем обзоре определений права Б.А. Кистяковский называет такие известные концепции, как: 1) государственная теория, согласно которой право «по своей природе явление «государственное»; мперативное, государственно-повелительное явление»; масштаб, норма поведения, установленная государством (позиция большинства юристов конца XIX

– начала XX вв. в России); 2) право по своей сути «есть явление социальное и состоит из известного рода отношений между людьми, охраняемых самим обществом» (социологическая теория С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, других сторонников естественно-правовой концепции); 3) право – явление не только волевое, но и вообще психологическое», «только душевные переживания, обладающие известными свойствами, составляют право» (психологическая теория права Л.И. Петражицкого); 4) право – это этическая, нравственная категория (Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев); 5) противоположная концепция, в соответствии с которой право – «явление безнравственное, безусловное зло», «так как оно прибегает к насилию над человеком, принуждению» (Л.Н. Толстой); 6) право – философское понятие, но оно сопоставимо не с такими чисто философскими понятиями, как душа, мир, Бог, «которые не имеют отношения к научному познанию, а с такими понятиями, как субстанция и причина» (И. Кант); 7) согласно догматической юриспруденции к праву относятся только те нормы, которые применяются судебными инстанциями (Г.Ф. Шершеневич) [1, с. 233].

Такое многообразие представлений о понятии права отражает периоды особенно высокой методологической роли неюридических наук в развитии науки о праве, прежде всего философии и социологии, а также всех наук общегуманитарного цикла, когда знания неюридических наук, по сути, были если не единственными, то основными источниками познания права, а роль собственно правовой практики в развитии теоретических представлений о праве была еще не велика. Соответствующие методологические подходы познания права на основе знаний, добытых неюридическими науками, позволяли сформулировать эклектичный образ права, дефиниция относилась одновременно и к статусу государства, и к государственной организации человека, и к душевным переживаниям. Вместе с тем и при этом подходе возможен синтез разрозненных знаний о праве: он может быть обеспечен через философию права и социальную философию; путем объединения всей совокупности знаний о праве через философское и социологическое постижение объекта. Согласно анализу Б.А. Кистяковского со времени И. Канта и «в первые десятилетия XIX столетия юриспруденция, поскольку она являлась чисто теоретической наукой, а не технической дисциплиной, попала в полное подчинение и зависимость от философии. Проблемы чисто научного знания о праве разрабатывались в то время только под видом философии права. Другого пути к научному познанию права, кроме философского, тогда вообще не существовало. Особенно ярким и авторитетным выразителем этой идеи о полной зависимости науки о праве от философии является Гегель. «В своих «Основных чертах философии права» он исходил из того положения, что «юриспруденция есть часть философии».

Однако, по данным анализа А.Б. Кистяковского, в последние три десятилетия XIX в. ситуация меняется. В 1874 г. А. Меркель в своей работе «Об отношении философии права к позитивной юриспруденции» предложил ввести в систему научных отраслей взамен науки «философия права» общее учение о праве или общую теорию права – как объединение и общую разработку основных принципов права, содержащихся во вводных частях отдельных юридических дисциплин, всей их совокупности [1, с. 232]. Более того, как следует из исследования А.Б. Кистяковского, правовая наука в анализируемый период (с конца XIX в.) не просто утратила свое подчиненное положение к философии, а впервые была признана методологическая природа науки о праве для неюридических наук. Соответствующее признание было сделано в работе Когена «Этика чистой воли», где он заявил, что для построения этики (науки, являющейся частью философской системы) необходимыми материалами могут быть знания, вырабатываемые одним из отделов юриспруденции – эмпирической юриспруденцией; что «этика должна для своих проблем личности и действия подслушать методику точных понятий юриспруденции» [1, с. 235].

Через сто лет после исследования, проведенного Б.А. Кистяковским, продолжая его анализ на новых материалах, относящихся к XX – первому десятилетию XXI вв., отметим любопытную тенденцию, связанную с ренессансом с конца XX столетия такого направления в общих научных исследованиях, как философии права. В российской науке нового

периода (конца XX – начала XXI вв.) издан уже ряд крупных, фундаментальных трудов по философии права С.С. Алексеева, Д.А. Керимова, В.С. Нерсесянца, Ю.В. Тихомирова, Э.Г. Юдина [2; 3; 4; 5; 6], др. авторов. Возрождается философия права (конца XX – начала XXI вв.). В отличие от философии права времени Канта и Гегеля она основана на идее не высокой призводности (подчиненности), а высокой автономности права по отношению к философии и равновеликой методологической природы каждой из наук в формировании общезначимых знаний. Вместе с тем ренессанс философии права в конце XX – начала XXI вв. в России – это, очевидно, показатель понимания недостаточности приоритета исследований с позиции лишь общей теории права. Прошедшее столетие XX в., по нашему мнению, было временем торжества права, роста методологического значения науки о праве для неюридических наук, что актуально для практической реализации идей правового государства. Однако, прошедшее столетие показало что обратная зависимость юридической науки от научных достижений и инструментария неюридических наук также сохраняет актуальность и не должна игнорироваться. Для правовых научных исследований и экспертиз, для развития права в отраслевом его значении весьма важно методологическое присутствие знаний, представлений и опыта, накопленного всеми науками естественного, гуманитарного и общественного профиля, в том числе в философском и социологическом их «преломлении» и синтезе.

Причем, поскольку в сравнении с прошлыми столетиями в новейшее время (начиная со второй половины XX и по настоящее время) наука достигла особенно больших высот в своем развитии, в том числе связанных с освоением космического пространства, атома, развитием электроники, внедрением нанотехнологий и др., то и «собственно право», поскольку оно «институционально – компонент всех социальных сфер» [7, с. 32], расширяет свое регулирование, вторгаясь в соответствующие новые сферы общественной жизнедеятельности, устанавливает взаимодействие, «мосты» с науками, исследующими эти новые сферы социальной жизнедеятельности, корректирует взаимодействие с такими науками, вовлекая в арсенал используемых в праве понятий исследовательский инструментарий новых наук, новые инструментарии традиционных научных направлений.

Соответствующий прогресс во взаимоотношениях права с юридическими науками, на наш взгляд, следует приветствовать. Вместе с тем нужно согласиться с авторами, считающими, что «разброс» исследовательских средств иных наук, привлекаемых юристами, от истории до математики, от экономики до психологии, является уже, кажется, уникальным и требующим объяснения». Из сказанного выше следует, что расширение взаимодействия права с юридическими науками объективно предопределено, поскольку предметом правового воздействия является все общество в целом, вся практическая сфера жизни общества. Между тем развитие каждой науки (по Кистяковскому) связано с максимальным познанием своего предмета.

Наряду с междисциплинарным взаимодействием методология правового регулирования, правовых научных исследований и экспертиз связана с использованием знаний и представлений общей теории права, в том числе формируемых на основе опыта эмпирической юриспруденции. Причем в отличие от прошлых столетий во второй половине XX в новое развитие методологического инструментария права было связано по преимуществу с развитием общей теории права. Оно было весьма продуктивным, однако не внесло достаточной ясности в понимание категорий «методология науки» [1, с. 229], «методология правовой науки». В частности, в одной из фундаментальных работ по обозначенной теме – монографии Д.А. Керимова, изданной в начале XX в. указывается, что понятие методологии как общенаучного феномена оказалось в современной литературе «размытым» и «весьма противоречивым» [3, с. 221]. Что касается понятия «методология права», то в российской юридической литературе высказываются разные мнения о соотношении понятий: теория, метод, методология права; метод, способ и подход в познании права и др. [8, с. 87

– 88]. Неоднозначно излагаются вопросы, касающиеся систем и содержания методов познания права и методов его практического использования и т.д.

Вместе с тем можно назвать дефиниции, выдержавшие оценки уже более чем двух столетий. Так, специалисты и в новейший период (конец XX – начало XXI вв.), раскрывая понятие методологии права, идентифицируют его с механизмом регуляции познавательной деятельности ученого-юриста. Подтверждают свою устойчивость и представления, что методология, с одной стороны, во многом может быть отождествлена с философией (а методология права – и с социологией); что «философия является «душой методологии» [9] поскольку выступает в качестве общетеоретической основы любого исследования. С другой стороны, имеет место и обратный процесс, В литературе нового времени справедливо указывается также, что «ошибочным является представление, будто использование одного метода философии вполне достаточно для познания изучаемого объекта; «поскольку конкретные науки, как свидетельствует опыт, могут вырабатывать и фактически создают такие категории, которые достигают философского уровня» [9, с. 2], в том числе это относится и к юридической науке, методологическая роль которой в системе общественных, гуманитарных и естественных наук неуклонно возрастает, как возрастает роль права: закона и юридической практики по мере строительства права во всех сферах жизнедеятельности общества.

Таким образом, методологическая связь науки о праве, философии и иных неюридических наук в конце XX – начале XXI столетий характеризуется как имеющая двусторонний характер, т. е. признается возросшая методологическая природа права в общенаучной системе. В числе продуктивных идей, касающихся исследования категории «методология», разработанных во второй половине XX – начале XXI вв., следует назвать идею о типах и уровнях методологии, согласно которой различаются: философская методология; общенаучная методология познания («безразличная к конкретным типам предметного содержания отдельных наук»); частнонаучная методология (применяемая в той или иной специальной научной дисциплине – например, частноправовая); низший уровень методологии (обеспечивающий «получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработки, после которой он только и может включаться в массив научного знания» [6, с. 36]).

Важное значение в плане совершенствования методологии научных исследований имеет не только понимание методологии в качестве межотраслевого (общенаучного) феномена, сформулированного усилиями всех отраслей наук и обслуживающего все отрасли науки, любой научный поиск; но и понимание того, что всеобщность методологии не исключает, а, наоборот, предполагает ее «приспособление» к специфике конкретных исследуемых объектов» [3, с. 48]. Последний из названных аспектов в характеристике методологии заслуживает особого внимания. Философские и общетеоретические представления о праве «произрастают» из знаний, добытых отдельными отраслями права.

Именно науки об отдельных отраслях права формируют первичные теоретические знания об особенностях методологии процессов правообразования и правореализации с позиций соответствующей отрасли права, которые являются основой для новых, синтетических, общетеоретических правовых, философских и иных отраслевых научных представлений о праве. В то же время использование теоретических знаний, представлений, методологии их понимания в одной отрасли права может стать основой для получения новых знаний в другой отрасли права. Соответствующие подходы к исследованию методологии – с позиций особенностей теоретических представлений конкретной правовой отрасли – предпринимаются в науке [10, с. 172 – 189].

Особую актуальность имеет исследование вопросов методологии с позиции конституционного права. Науке и практике конституционного права принадлежит особая роль в указанных процессах общетеоретического, философского, различного отраслевого правового (различных отраслей права) и различного отраслевого научного (неюридических

наук) «методологического проникновения» в содержание права. Особая методологическая природа науки и отрасли конституционного права и практики конституционализма в общей системе отраслей права, юридической науки и практики обусловлена особенностями предмета конституционно-правового регулирования. Как известно, нормы конституционного права охватывают своим регулированием все сферы жизнедеятельности общества. Условно говоря, они осуществляют «межотраслевое» регулирование, в то время как нормы иных отраслей права воздействуют на общественные отношения только в какой-либо одной сфере социальной жизни. Таким образом, система конституционного права охватывает нормы, относящиеся ко всем отраслям и публичного, и частного права. В этой связи можно говорить о специфике методологии регулирования, в том числе защиты (познания, исследования), каждой конституционной нормы, института конституционного права как отрасли и науки. Соответственно в методологии научных исследований и правового регулирования в конституционном праве должны учитываться (использоваться) все особенности методологического инструментария, который только может быть использован в юриспруденции в целом, что приближает конституционное право к общей теории права. Из этого можно сделать вывод о возникновении конкуренции общей теории права и сравнительного конституционного права. Сравнительное конституционное право в значительной мере сужает предмет науки общей теории права.

Возрастание методологического потенциала конституционного права как науки и отрасли права в системе российского права связано с периодом радикальных конституционных реформ конца XX – начала XXI столетий, в соответствии с которыми Конституция – основной источник конституционного права в СССР – в практике новой России стала практически значимым документом. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. впервые в российской истории закрепила положение о прямом действии Конституции РФ и непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина в РФ (ст. 15, 18). Регулятивное и охранительное действие Конституции обеспечивается широкой практикой Конституционного Суда РФ и становлением системы конституционных (уставных) судов РФ. Формируется практика деятельности судов общей юрисдикции, связанная с непосредственным применением Конституции РФ (в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (от 31 октября 1995 г. № 8)). Соответствующие тенденции в развитии российской науки и отрасли конституционного права и в состоянии российской конституционной практики, связанные с институционализацией (утверждением) методологической природы конституционного права и практики конституционализма отмечены в российской юриспруденции. Отражением тенденций, связанных с утверждением методологической природы науки и отрасли конституционного права и практики конституционализма в общей системе отраслей права, юридической науки и практики и неюридических наук, и их косвенным подтверждением, на наш взгляд, являются публикации в новейшей литературе, посвященные соотношению категорий конституционного права и неюридических отраслей науки: посвященные осмыслению понятия конституции в контексте идей философии права [11, с. 41 – 50]; (конституционной герменевтики и социологии конституции [12, с. 129 – 133; 215 – 216], уже множество публикаций по вопросам конституционной экономики, в том числе учебных пособий [13; 14, с. 58 – 63; 15, с. 64 – 70; 16]; введение в оборот определения Конституции как «математики свободы» [17, с. 37]; а также ряд статей о конституционализации государственно-правового развития России, конституционализации отраслей законодательства в РФ».

Утверждение методологической природы конституционного права и практики конституционализма в государствах современного мира особенно актуально в связи с происходящими (порой достаточно болезненно) процессами глобализации. Так, в российской конституционно-правовой науке высказываются разные мнения (оценки) о процессах взаимодействия (соотношения) международной и внутригосударственной правовых систем.

1) Одни авторы считают, что нормы международного права являются инородным телом, они не входят во внутреннюю систему российского права, в т.ч. конституционного права (критики ч. 3 ст. 15 Конституции). 2) Другие обращают внимание на то, что под влиянием международного права идут процессы реформирования отдельных отраслей права в РФ – гражданского права, гражданского и уголовного процессов, административного права, муниципального права. (статьи в журнале). 3) В науке конституционного права исследуется статус норм международного права в системе конституционного права. 4) Вместе с тем высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой нормы внутреннего права (конституционного права) входят в систему международного права, что идут процессы формирования международного конституционного права.

По нашему мнению, в период глобализации конституционное право как отрасль права и практика конституционализма, представленная прежде всего в деятельности Конституционного Суда РФ; Верховного Суда России, должна стать «связующим мостом» (связующим звеном) между внутригосударственным и международным правом. Повышается роль и ответственность Конституционного Суда как «проводника» международного права во внутригосударственное правовое поле, призванного осуществлять в пределах своей компетенции своеобразную «ратификационную функцию» для расширения действия международного права в РФ на территории РФ и его применения иными российскими судами, преодоления коллизионности норм внутригосударственного и международного права в целях обеспечения высшей юридической силы Российской Конституции на территории РФ и государственного суверенитета России. Соответствующая «ратификационная функция» решений Конституционного Суда, по сути, была сформулирована в Постановлении КС от 6 декабря 2013г. N 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда» (об исполнении решений ЕСПЧ по делу «Маркин против России»); в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015г. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»; др. Соответствующие процессы в Конституционном Суде РФ возникли в связи с принятием Европейским Судом в 2010-2013гг. постановлений по трем резонансным делам, в которых ответчиком выступала Россия: в связи с Постановлением Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. по делу "Константин Маркин против России"; Постановлением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» и Постановлением ЕСПЧ от 20.09.2011 по "Делу "ОАО "Нефтяная компания Юкос" против Российской Федерации.

О становлении методологической функции конституционно-правовых норм относительно способов и методов исполнения норм международного права во внутригосударственном правовом пространстве России свидетельствуют и ряд постановлений Верховного Суда РФ: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»; постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О

применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950г. и протоколов к ней».

Таким образом, международное право изначально «получает доступ» либо «преломляется» во внутригосударственную правовую систему и внутригосударственное территориальное пространство, сохраняя свое присутствие в нем в первую очередь через нормы конституционного права. В этом контексте отметим, что, по нашему мнению, такой приоритет в последовательности взаимодействия двух правовых систем – нутригосударственной и международной – возможен в силу того факта, что международное право по предмету своего воздействия совпадает с внутригосударственным правом, причем прежде всего в части таких двух основополагающих сфер правового регулирования, как: суверенитет государства (народа), право наций (народов) на самоопределение и основные права и свободы человека (гражданина), которые одновременно составляют предмет регулирования и нормами конституционного права.

В завершение предлагаем следующее определение понятий «методология научного исследования» и «методология правового регулирования»: это система общетеоретических правовых и конституционно-правовых, философских и иных научных (в науках неюридического профиля) представлений об источниках, способах формирования (возникновения, создания) права и осуществления правового регулирования, а также своеобразных технологических (от словосочетания «юридическая техника») режимов формирования права, его норм, способах реализации функций права. Это представления, которые предназначены для формирования (достижения) полного знания о праве и соответственно обеспечивают организационные формы и программирование деятельности по выявлению и закреплению права, а также по реализации и охране (защите) уже познанного и признанного права, повышения качества, эффективности правового регулировании. Это система научных междисциплинарных, стратегических, конституционно-истолкованных представлений о том, что есть право, как должно формироваться позитивное (государственное) право; какой должна быть его концепция; представления о соотношении национально-государственной и международно-правовой стратегии правового регулирования; о соотношении статусов государства, права, индивида; о концепции межгосударственных отношений; о порядках взаимодействия национального государства и международного сообщества.

Литература

1. *Кистяковский Б.А*. Философия и социология права // Сост.; примеч., указ. В.В. Санова. СПб., 1999.
2. *Алексеев С.С*. Философия права. М., 1997.
3. *Керимов Д.А*. Методология права. Предмет, функции; проблемы философии права М., 2001.
4. *Нерсесянц В.С*. Философия права. М., 1997.
5. *Тихомиров Ю.В*. Основы философии права. М., 1997.
6. *Юдин Э. Г*. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
7. *Тарасов Н.В*. Метод и методологический подход в правоведении // Правоведение. 2001. № 2.
8. *Козлов В.А*. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989.
9. *Керимов Д.А*. Методология права. 2-е изд. М., 2001.
10. См., в частности: *Кузьмин С.В*. Методология, метод, теория с позиции криминалистики // Правоведение. 2001. № 2.
11. *Зорькин В.Д*. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75).
12. *Витрук Н.В*. Верность Конституции. М., 2008.
13. *Баренбойн П., Лафитский В., Гаджиев Г.А*. Конституционная экономика: Учебное пособие. М., 2005.

14. *Гаджиев Г.А*. Этнические основы философско-правовой категории «общее благо» в контексте конституционной экономики // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75).
15. *Мазаев В*. Метод конституционного права и конституционная экономика // Сравнительное конституционное обозрение. 2010 № 2 (75).
16. *Бондарь Н.С.* Конституционализация социально-экономического развития российской государственности :в контексте решений Конституционного Суда РФ. М., 2006.
17. *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М., 2008.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna, Doctor of Law, Professor, head of the Department of state (constitutional) law, the Southern federal university (88, Gorkogo Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: ovsepyan-g-i@ya.ru

METHODOLOGICAL NATURE OF CONSTITUTIONAL SCIENCE AND LAW DESTINATION AND PRACTICE OF CONSTITUTIONALISM IN THE GENERAL SYSTEM OF BRANCHES OF LAW, LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Abstract

The article study the notion of methodology as the underlying scientific categories, reviewed diverse views about the concept of law and the methodological role of non-legal Sciences in the development of the science of law in different periods of the history of Russian science of jurisprudence, and also of the reverse process - the growth of the methodological importance of the science of law for non-legal Sciences. Justifies the special role of science of constitutional law and practice of constitutionalism in the processes of theoretical, philosophical, legal different branch (different branches of law) and various industry research (non-legal Sciences) "methodological penetration" in the content of science on the law and practice of lawmaking, legal interpretation, law enforcement, other forms of realization of law.

Keywords*: the methodological importance of the science of law for non-legal Sciences; the Renaissance of philosophy of law in Russia; competition General theory of law and science, comparative constitutional law; methodology of legal regulation of constitutional law; the methodological role of the constitutional court precedent; approval of the methodological nature of constitutional law and practice of constitutionalism in the age of globalization; sovereignty as the key to constitutional and legal methodology.*

References

1. *Kistyakovskiy B.A.* Filosofiya i sociologiya prava // Sost.; primech., ukaz. V.V. Sanova. SPb., 1999.
2. *Alekseev S.S.* Filosofiya prava. M., 1997.
3. *Kerimov D.A.* Metodologiya prava. Predmet, funkcii; problemy filosofii prava M., 2001.
4. *Nersesyants V.S.* Filosofiya prava. M., 1997.
5. *Tihomirov Yu.V.* Osnovy filosofii prava. M., 1997.
6. *Yudin E. G.* Sistemniy podhod i princip deyatel'nosti. M., 1978.
7. *Tarasov N.V.* Metod i metodologicheskiy podhod v pravovedenii // Pravovedenie. 2001. № 2.
8. *Kozlov V.A.* Problemy predmeta i metodologii obschey teorii prava. L., 1989.
9. *Kerimov D.A.* Metodologiya prava. 2-e izd. M., 2001.
10. Sm., v chastnosti: Kuz'min S.V. Metodologiya, metod, teoriya s pozicii kriminalistiki // Pravovedenie. 2001. № 2.

11. *Zor'kin V.D.* Filosofiya prava: proshloe, nastoyaschee i buduschee // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2010. № 2 (75).
12. *Vitruk N.V.* Vernost' Konstitucii. M., 2008.
13. *Barenboin P., Lafitskiy V., Gadzhiev G.*A. Konstitucionnaya ekonomika: Uchebnoe posobie. M., 2005.
14. *Gadzhiev G.A.* Etnicheskie osnovy filosofsko-pravovoy kategorii «obschee blago» v kontekste konstitucionnoy ekonomiki // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2010. № 2 (75).
15. *Mazaev V.* Metod konstitucionnogo prava i konstitucionnaya ekonomika // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2010 № 2 (75).
16. *Bondar' N.S.* Konstitucionalizaciya social'no-ekonomicheskogo razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti :v kontekste resheniy Konstitucionnogo Suda RF. M., 2006.
17. *Zor'kin V.D.* Rossiya i Konstituciya v HHI veke. 2-e izd., dop. M., 2008.

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) РСФСР 1978 ГОДА: ПРОБЛЕМНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Акопов Леонид Владимирович доктор юридических наук, профессор кафедры административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы, связанные с принятием и последующей реализацией Основного Закона РСФСР 1978 года, его последующие радикальные корректировки, обусловленные политико-правовыми трансформациями СССР (вплоть до его роспуска) и Российского государства после его выхода из состава Советского Союза и провозглашения суверенитета.

Ключевые слова: *Конституция РСФСР, Основной Закон, конституционные поправки, суверенитет, демократия, органы государственной власти, федеративные отношения, юридическая и фактическая Конституция.*

Принятие в 1978 году новой Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики явилось следствием появления Конституции (Основного Закона) СССР 1977 года, которая впервые провозгласила тогдашний Советский Союз «социалистическим общенародным государством» в отличие от ранее существовавшей характеристики Советского государства в качестве государства рабочих и крестьян.

Примечательно, что в статье 72 Конституции СССР 1977 года было закреплено и право свободного выхода союзных республик из состава СССР, а также сохранялось за ними и право внешних сношений.

Вместе с тем Конституция РСФСР 1978 года отнюдь не была «калькой» общесоюзного Основного Закона. «Так, в ней, – указывает С.А. Авакьян, – не воспроизведена полностью преамбула союзной Конституции; более сжато говорится о пути, пройденном за